

Худойкина Татьяна Викторовна

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой правовых дисциплин
Мордовского государственного университета
имени Н.П. Огарева

Бреднева Валентина Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории права
и государственно-правовых дисциплин
Сахалинского государственного университета

ВНЕШНИЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Аннотация:

Дефекты юридической деятельности (конфликты, правонарушения, ошибки) – распространенные формы проявления деформации профессионального правосознания юристов – влияют на конечный социальный результат и оказывают негативное воздействие на субъектов обыденного правосознания. Прикладное значение исследования выражается в установлении предпосылок и последствий подобной деформации, что важно для прогнозирования вероятных мероприятий по ее преодолению и предотвращению юридических конфликтов, дефектной правоприменительной деятельности. Социально-психологические, рационально-идеологические, поведенческие составляющие правосознания могут откладываться на подсознательном уровне и определять выбор субъекта в юридической ситуации, негативно трансформироваться независимо от воли человека. Для юридической практики специфическим компонентом профессионального правосознания выступает интуиция. Качественное состояние элементов правосознания (наличие или отсутствие деформации) предопределяет набор реализуемых принципов при разрешении индивидуальной юридической ситуации. Для общества крайне важно, чтобы властные правовые решения были одновременно законны и целесообразны.

Ключевые слова:

деформация правосознания, профессиональное правосознание, ошибочная юридическая деятельность, юрист, правовой нигилизм, юридический конфликт.

Khudoykina Tatiana Viktorovna

LL.D, Professor,
Head of the Legal Subjects Department,
Mordovia State National
Research University

Bredneva Valentina Sergeevna

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Theory of Law
and State Legal Subjects Department,
Sakhalin State University

OUTWARD SIGNS OF DEFORMED PROFESSIONAL LEGAL AWARENESS

Summary:

Legal failures (legal conflicts, offenses, mistakes of law), the common forms of the lawyers' deformed legal awareness, affect the social outcome and have a negative impact on the actors of ordinary legal awareness. The applied relevance of this research is to identify the prerequisites and consequences of deformation of such awareness that is necessary to predict how to overcome and prevent legal conflicts and failures in law enforcement practice. Social and psychological, rational and ideological, behavioral elements of legal awareness can be developed on the subconscious level, determine the choice of an actor in a legal situation and be negatively transformed beyond the control of a person. Intuition is a specific element of the professional sense of justice in legal practice. The quality of elements of legal awareness defines a set of principles implemented to address a particular legal situation. The legal decisions of the authorities are to be both legal and appropriate.

Keywords:

deformation of legal awareness, professional legal awareness, wrong legal activity, lawyer, legal nihilism, legal conflict.

В юридической доктрине нет единообразия в понимании типов и форм проявления деформации профессионального правового сознания. Правовые идеализм, нигилизм, маргинализм, инфантилизм, перерождение одни ученые называют типами, другие – проявлениями. В данном исследовании мы предприняли попытку классификации проявлений деформации профессионального правосознания с точки зрения их роли в механизме правового регулирования, значения в юридической практике. Выделены следующие формы: дефекты правоприменительной деятельности, дефекты деятельности непосредственной реализации права, юридический конфликт.

Праксиологическое значение исследования деформации профессионального правосознания заключается в выявлении закономерностей влияния деформации профессионального правосознания на качество и результат юридической деятельности. Это необходимо для разработки возможных мероприятий по преодолению деформаций и предотвращения дефектной правоприменительной деятельности, юридических конфликтов.

Правоприменительная деятельность в юридической науке рассматривается в качестве организующей, властной деятельности компетентных органов по вынесению индивидуальных правовых предписаний. Параллельно исследуются значение, природа и функции применения правовых норм [1, с. 53–58; 2, с. 12; 3, с. 113–117].

Правоприменительная деятельность как разновидность юридической деятельности обусловлена сформированностью профессионального правосознания субъектов. Деформированность такого специализированного правосознания (отсутствие знаний и навыков, стереотипное мышление, нигилистское отношение к праву, недостаточный уровень культуры, профессиональное выгорание) является главной причиной дефектной юридической деятельности: *противоправной или ошибочной правоприменительной деятельности, юридического конфликта*.

В отличие от адекватной правовой правоприменительной деятельности *ошибочная* содержит действия (операции, последовательность действий, бездействие), которые оцениваются властными субъектами как правильные, направленные на достижение социально полезного результата для общества, государства, личности. Если деятельность противоправная, то субъекты изначально имеют личный интерес, действуют с умыслом или по неосторожности. При этом стандартная (правомерная, безошибочная) правоприменительная деятельность характеризуется повышенной социальной значимостью, использованием правовых средств в интересах общества и личности для разрешения юридической ситуации. Главным фактором ошибочной правоприменительной деятельности является деформация рационально-идеологических компонентов профессионального правосознания, выражающаяся в недостатке у правоприменителя знаний в области права, правил использования строгих процедурных форм, нежелании или неспособности понимать значения правовых актов, специальных терминов.

Деформация социально-психологических элементов профессионального правосознания (отсутствие у правоприменителя высоких нравственных качеств, стереотипное мышление) ведет к формализму, формированию видимости осуществления юридической деятельности. Правильно организованное (недеформированное) профессиональное правосознание выражается в чувстве справедливости и законности, высоких моральных принципах и стремлении вдумываться в детали юридической ситуации.

Вместе с тем правоприменительная деятельность – сложное явление, включающее значительное число неформальных отношений. Качество коммуникаций при этом зависит от состояния профессионального правосознания: дефекты рационально-идеологических, социально-психологических, поведенческих элементов могут существенно снизить результативность взаимодействия. Общественные отношения, социальные группы, внешняя среда, в которой находится личность, влияют на действия правоприменителя. Правоприменительная деятельность реализуется в разных сферах (нотариате, судопроизводстве, надзоре, контроле и т. д.) и предполагает наличие специальной профподготовки, юридических навыков и знаний, готовности к использованию особых юридических средств для разрешения юридических конфликтов. Деформация профессионального правосознания влечет неадекватный юридический результат для носителей обычного правосознания.

В профессиональном правосознании доминируют *рациональные компоненты*, основанные на специализированных знаниях о правовых нормах и принципах, представлениях о механизме правового регулирования в целом. Властные субъекты имеют различные юридические знания. Работники налоговых органов лучше ориентируются в сфере налогового права, сотрудники правоохранительных органов – уголовного права, сотрудники муниципальных органов – муниципального права.

Приобретаемые на практике знания имеют двойственный характер. Правоприменители осведомлены о принципе законности, равенстве всех перед законом. Однако параллельно в процессе работы субъекты профессионального правосознания могут получать аправовые (внеправовые) знания: об отсутствии механизмов реализации отдельных норм права, реальной возможности игнорирования некоторых обязанностей, существующих вариантах избежать ответственности [4, с. 41–45]. Наличие внеправовых знаний свидетельствует о деформированности рациональных (познавательных) компонентов профессионального правосознания, которые могут в определенных условиях являться причиной противоправной или ошибочной правоприменительной деятельности, когда у правоприменителя выработалась негативная ориентация в сфере права.

Качество знаний о праве определяет состояние психологических элементов правосознания. Преобладание эмоциональной сферы над рациональной способно приводить к необоснованным, ошибочным решениям и выводам. *Эмоциональные компоненты* профессионального правосознания проявляются в коммуникативной деятельности правоприменителей, которая выражается в сборе необходимых доказательств путем общения.

Неприемлемо оправдывать нарушение норм права ссылками на целесообразность, в этом как раз проявляется деформированность психологических элементов профессионального правового сознания, которая влечет пороки правоприменительной деятельности. Тем не менее невозможно целиком отказаться от принципа целесообразности в праве, потому что деятельность должностных лиц должна быть адекватной и отвечать пространственно-временным условиям. В рамках закона необходимо выбирать наиболее подходящий путь воплощения норм права в жизнь.

Качественное состояние элементов правосознания определяет выбор применяемых принципов права специальным субъектом при разрешении индивидуальной юридической ситуации. Для общества и государства существенно, чтобы властные юридические решения основывались на описанных принципах – были одновременно целесообразны и законны.

Широкий спектр социально-психологических элементов правосознания складывается на подсознательном уровне и определяет поведение человека в той или иной ситуации, аналогичным образом подсознательно такие компоненты способны негативно трансформироваться независимо от воли личности. Важной специфической подсознательной составляющей профессионального правосознания является интуиция.

Эмоциональные элементы профессионального правосознания, включая правовую интуицию, во избежание ошибок не должны становиться единственной базой для принятия юридического решения. Их предназначение в юридической деятельности состоит в том, чтобы расширять возможности установления объективной истины, помогать строить полезные версии и предположения, обнаруживать источники, пути и способы сбора доказательств. В профессиональном правовом сознании позитивное восприятие одних правовых требований может сопровождаться отрицательным отношением к иным юридическим предписаниям, процедурам их применения.

Основные *поведенческие элементы* профессионального правосознания – это навыки, умения, правовые установки специальных субъектов и их готовность к профессиональной юридической деятельности.

Правовые установки субъекта – это тип социальных установок, складывающихся под влиянием внешних и внутренних условий, являющихся психологической предпосылкой определенного социального поведения в процессе действия права. Одни исследователи отмечают, что правовая установка носит ярко выраженный осознанный характер. Другие признают, что установки имеют сложную структуру и в них есть не только осознанные элементы, но и бессознательные [5, с. 130–145; 6, с. 3–10].

Адекватная (недефектная) правоприменительная деятельность является внешней формой таких положительных правовых установок, как неуклонное следование требованию законности, точное и строгое осуществление своих правомочий, стремление законными средствами обеспечить реализацию юридических прав и обязанностей субъектов и т. д. Напротив, дефекты профессионального правосознания, выражающиеся в необоснованности отказа от процессуальных действий, характеризуют отношение правоприменителей к использованию отдельных средств доказывания, могут приводить к необоснованным решениям. Сформированное внутреннее убеждение правоприменителей выступает в качестве твердой и сознательной уверенности в достоверности фактов и служит внутренней формой проявления их профессионального правосознания применительно к фактическим обстоятельствам юридического дела.

Следует учитывать, что правоприменение во многих случаях необходимо именно вследствие дефектов обыденного правосознания, которые в конечном счете привели к невозможности использования субъективного права, его нарушению. Важная роль в преодолении пробелов в формировании массового обыденного правосознания принадлежит мотивировочной части правоприменительного решения.

Дефекты действий по непосредственной реализации права невластными субъектами обусловлены деформацией основных компонентов правосознания на обыденном уровне. При этом некоторые элементы профессионального (специализированного) правосознания могут включаться в процесс осознания юридических обязанностей, способствовать принятию решения, выбору целей, оценке последствий реализации права: например когда гражданин принял решение на основе консультации юриста или после прохождения дополнительного обучения. Конечный результат деятельности невластных субъектов по непосредственной реализации права, принятие юридических предписаний, выработка принципов поведения в значительной степени зависят от качества элементов правового сознания.

Правовое сознание дает возможность субъекту оценивать чужие и собственные действия с качественной и содержательной сторон в нравственных ценностных категориях, сопоставлять анализируемые явления с эталоном, управлять поведением и коммуникациями. Понимание нормы позволяет запустить данные процессы. Однако, когда требования юридических норм воспринимаются исключительно как внешние, посторонние и человек относится к ним безразлично, формально либо присутствует негативный эмоциональный отклик, то возникает угроза совершения правонарушений, игнорирования юридических обязанностей.

В современный период, как и 20 лет назад, социологи и юристы в научных исследованиях демонстрируют деформацию правосознания, низкий уровень правовой культуры и недостаточное доверие граждан к публичным институтам [7, с. 133–138; 8, с. 34–36]. Деформация индивидуального правового сознания выражается в дефектах поведенческих, социально-психологических, рациональных (идеологических) элементов. Такие дефекты проявляются в неосведомленности о правовых запретах, обязанностях, в отсутствии позитивных правовых настроений, убеждений (эмоциональный компонент). Заметнее всего дефекты правосознания в поведенческих компонентах: в

процессе действия права правонарушения совершаются как специфическая форма проявления противоречий между общественным и индивидуальным правосознанием. Предназначение профессионального правосознания юристов заключается также в воздействии на массовое правосознание, преодолении его деформации и дефектов непосредственной реализации права.

Таким образом, эффективная правоприменительная деятельность (без дефектов) невообразима без сформированного специализированного правосознания. Правовые интуиция, знания, установки – элементы правосознания, обладающие собственной значимостью на отдельных участках правоприменения.

Еще одной формой проявления деформации профессионального правосознания выступают дефекты деятельности по непосредственной реализации права – самостоятельному виду юридической деятельности, субъекты которой не обладают властными полномочиями и действуют согласно собственным интересам. Большинство таких субъектов – это носители обыденного правосознания. Мы рассматриваем более узкие случаи, когда юристы, не обладающие властными полномочиями, осуществляют профессиональную деятельность согласно собственным интересам или (и) интересам определенной организации.

Деятельность по непосредственной реализации права протекает в трех формах: соблюдение, исполнение и использование. Первые две связаны с осуществлением юридических обязанностей, последняя – с активным воплощением субъективных прав. Соответственно, систему проявлений деформации профессионального правосознания можно охарактеризовать более широко: *дефекты соблюдения (ошибки и правонарушения), дефекты исполнения (ошибки и правонарушения) и дефекты использования (ошибки и правонарушения)*.

К *дефектам соблюдения* можно отнести несоблюдение юристом при непосредственной реализации права принятых в любом обществе позитивных правил поведения; неумение соотносить личные и общественные интересы; неправильную оценку юридических ситуаций; правовую неосведомленность о запрещенном поведении; низкий уровень развития основных компонентов профессионального правосознания; склонность к применению неформальных внеправовых средств; нежелание отвечать за юридический результат профессиональной деятельности.

Дефекты исполнения проявляются в игнорировании юридических обязанностей и приоритете своих юридически необоснованных интересов, нарушающих права других лиц. Для преодоления дефектов индивидуального правосознания правовые механизмы реализации права должны быть обеспечены и гарантированы государством, мерами властного принуждения. Необходимы правильные социально-нравственные обоснования в соответствии со сложившейся правовой системой.

Дефекты использования проявляются при злоупотреблении правом, создании преград перед другими лицами при осуществлении ими своих прав и обязанностей.

Уровень профессионального правосознания непосредственно влияет на формирование интересов и потребностей. Чем больше деформированы элементы правосознания, тем более искажена система ценностей и потребностей.

Помимо дефектной правоприменительной деятельности (ошибок и правонарушений), дефектной деятельности по непосредственной реализации права (дефектов соблюдения, исполнения, использования) выделяют еще одну форму проявления деформации профессионального правосознания – юридический конфликт. Он представляет собой противоборство субъектов права с противоречивыми правовыми интересами, возникшее в связи с созданием, реализацией, применением, изменением, нарушением, толкованием права. В более широком значении юридические конфликты возникают между субъектами права, нормами права и механизмами реализации. Они наблюдаются в процессе правотворчества (например, при конкуренции нормативно-правовых актов), при использовании права властными субъектами (оценочном толковании установленных законом моделей поведения), при реализации права невластными субъектами (незнании или неверном исполнении прав и обязанностей).

В отечественной науке юридическая конфликтология – относительно новое направление. В зарубежной литературе конфликту уделяется определенное внимание. Возрастает практическая заинтересованность социума в результатах таких исследований [9, с. 138–151]. Само общество меняется с течением времени: экономические кризисы, формирование иной правовой парадигмы, появление новых социальных групп (страт) усугубляют противоречия во всех сферах жизни, и юридическая сфера – не исключение.

Конфликты изучаются в рамках педагогики, психологии, социологии, политологии, истории, а с недавнего времени и юриспруденции [10, с. 542–556]. Политологи и психологи предупреждают об опасности возникновения в процессе конфликта «тоннельного мышления» [11], когда восприятие становится «черно-белым», поляризуется представление об оппоненте, в правосознании формируется «образ врага».

Л. Козер полагал, что человеческие отношения потенциально конфликтны [12, р. 197–207]. Зачастую само общество не готово объективно и многосторонне анализировать и управлять юридическими конфликтами. Традиционные способы выхода из них не дают ожидаемых результатов.

Такая ситуация может негативно влиять на развитие правовой системы, усиливать проявление деформации профессионального правосознания юристов. В последующем по цепной реакции и носители массового (обыденного) правосознания будут иметь все более искаженное представление о правильных моделях поведения в сфере права.

Высококвалифицированный юрист должен отличаться не только хорошими техническими навыками, но и профессиональным осмыслением основ теории права [13, р. 283–290]. Исследователи сходятся во мнении, что затраты, понесенные из-за конфликтов, очень высоки: страдание человека, экономические потери и моральная деградация [14]. Зарубежные авторы (К. Моулт) предлагают решать проблемы, сосредотачиваясь на посредничестве и разрешении, а не арестах и наказаниях [15, р. 19–24].

Юридические конфликты, как и правовые пробелы, можно разделить на реальные и мнимые. Мнимые конфликты возникают в результате различного восприятия субъектами права явлений правовой действительности, присутствует недопонимание. Еще К. Боулдинг писал, что образ конфликта в сознании сторон может отличаться от объективной реальности [16, р. 50–302]. Юристы с развитым профессиональным правосознанием должны знать причину, тип, основу конфликта для более грамотного управления им в целях разрешения с наименьшими потерями в интересах обеих сторон с учетом требований действующего законодательства. В настоящее время во многих отраслях права заложена возможность примирительных процедур, законодательство позволяет разрешать юридические конфликты посредством переговоров.

В качестве заключения отметим, что А.У. Гоулднер фактически выявил природу деформации элементов правосознания: «Когда человек преследует цели, которые его научили высоко ценить, и затем находит, что они нереализуемы, для него отказ от них оказывается весьма чувствительным; девиантности, таким образом, присуща рациональность» [17, с. 481–482]. Повышение уровня профессионального правосознания юристов не означает идеализацию права, юристы должны адекватно оценивать регулятивный потенциал правовых актов, учитывать экономические, политические, социальные, исторические условия профессиональной деятельности.

Таким образом, дефекты правоприменительной деятельности (ошибки и правонарушения), юридические конфликты представляют собой формы проявления деформации профессионального правосознания, отражаются на качестве правоприменительной деятельности, влияют на конечный результат и активируют деформацию массового правосознания.

Ссылки:

1. Кузьмина Е.М. Мониторинг правоприменительной деятельности: вопросы теории и практики // Вестник ПАГС. 2015. № 1 (46). С. 53–58.
2. Усманова Е.Ф. Задачи правовой культуры и ее роль в правотворческой и правоприменительной деятельности // Мир науки и образования. 2015. № 2. С. 12.
3. Тищенко А.В. Принцип справедливости как стандарт правоприменительной деятельности в механизме отправления правосудия // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2017. № 4. С. 113–117.
4. Дудченко Л.В. Квазиправовой менталитет как негативный концепт национальной правовой культуры // Российский следователь. 2017. № 3. С. 41–45.
5. Баглиева А.З. Демократия и российская ментальность // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2009. № 1 (25). С. 130–145.
6. Белкин А.И. Анализ подходов к изучению ментальности в психологической науке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. 2010. № 1. С. 3–10.
7. Васенина И.В., Кухтевич Т.Н. Социальный потенциал российского студенчества: по результатам социологических исследований // Ценности и смыслы. 2012. № 5 (21). С. 133–138.
8. Жолудева В.В., Панарский Н.С. Современная российская молодежь: результаты социологических исследований // Общественные науки в современном мире : сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Уфа, 2015. № 2. С. 34–36.
9. Алейников А.В., Стребков А.И. Междисциплинарность как методологический базис анализа феномена конфликта и образовательной программы «Конфликтология» // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 1. С. 138–151.
10. Лушникова О.Л. Социальный заказ школе // Интеграция образования. 2016. Т. 20, № 4. С. 542–556.
11. Тангиев М.Х. Политический конфликт в современной России: причины и особенности феномена : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 24 с.
12. Coser L.A. Social conflict and the theory of social change [Электронный ресурс] // The British Journal of Sociology. 1957. Vol. 8, no. 3. P. 197–207. URL: <http://www.csun.edu/~snk1966/Lewis%20A%20Coser%20Social%20Conflict%20and%20the%20Theory%20of%20Social%20Change.pdf> (дата обращения: 22.05.2018).
13. Petrušauskaitė V. Child's Right to Education: Lessons from a Research in the Kirtimai Settlement [Электронный ресурс] // Integrating Social Sciences into Legal Research: Vilnius University Faculty of Law. P. 283–290. URL: http://www.ces.lt/wp-content/uploads/2010/03/Childs-right-education_Petrušauskaite.pdf (дата обращения: 22.05.2018).
14. Kaija S. The role of legal conflictology in the training of lawyers [Электронный ресурс] // Society. Integration. Education : proceedings of the international scientific conference. 2013. Vol. 1. URL: <http://journals.ru.lv/index.php/SIE/article/view/157/151> (дата обращения: 22.05.2018).
15. Moult K. Providing a sense of justice [Электронный ресурс] // SA Crime Quarterly. 2005. No. 12. P. 19–24. URL: <https://is-safrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/MOULT.PDF> (дата обращения: 22.05.2018).
16. Boulding K.E. Conflict and defense: a general theory. N. Y., 1962. 349 p.
17. Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии / пер. с англ. А.С. Фомина [и др.] ; предисл. О.И. Иванова. СПб., 2003. 575 с.

References:

- Aleinikov, AV & Strebkov, AI 2017, 'Interdisciplinarity as a Methodological Basis for Analysis of Conflict Phenomenon and the Educational Programme "Conflictology"', *Integration of Education*, Vol. 21, No. 1. pp. 138-151. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.086.021.201701.138-151>.
- Baglieva, AZ 2009, 'Democracy and the Russian mentality', *Vestnik LGU im A.S. Pushkina*, No. 1 (25), pp. 130-145, (in Russian).
- Belkin, AI 2010, 'An analysis of approaches to studying mentality in psychology', *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*, No. 1, pp. 3-10, (in Russian).
- Boulding, KE 1962, *Conflict and defense: a general theory*, New York, 349 p.
- Coser, LA 1957, 'Social conflict and the theory of social change', *The British Journal of Sociology*, Vol. 8, No. 3, pp. 197–207, viewed 22 May 2018, <<http://www.csun.edu/~snk1966/Lewis%20A%20Coser%20Social%20Conflict%20and%20the%20Theory%20of%20Social%20Change.pdf>>, <https://doi.org/10.2307/586859>.
- Dudchenko, LV 2017, 'Quasi-legal mentality as a negative concept of national legal culture', *Rossiyskiy sledovatel'*, No. 3, pp. 41-45, (in Russian).
- Gouldner, AW, Fomin, AS (transl.) & Ivanov, OI (et al.) 2003, *Coming Crisis of Western Sociology*, St. Petersburg, 575 p., (in Russian).
- Kaija, S 2013, 'The role of legal conflictology in the training of lawyers', *Society. Integration. Education: proceedings of the international scientific conference*, Vol. 1, viewed 22 May 2018, <<http://journals.ru.lv/index.php/SIE/article/view/157/151>>.
- Kuzmina, EM 2015, 'Monitoring of law enforcement activities: issues of theory and practice', *Vestnik PAGS*, No. 1 (46), pp. 53-58, (in Russian).
- Lushnikova, OL 2016, 'The Social Mandate for High School', *Integration of Education*, Vol. 20, No. 4, pp. 542-556. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.085.020.201604.542-556>.
- Moult, K 2005, 'Providing a sense of justice', *SA Crime Quarterly*, No. 12, pp. 19–24, viewed 22 May 2018, <<https://is-safrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/MOULT.PDF>>.
- Petrušauskaitė, V 2018, 'Child's Right to Education: Lessons from a Research in the Kirtimai Settlement', *Integrating Social Sciences into Legal Research: Vilnius University Faculty of Law*, pp. 283–290, viewed 22 May 2018, <http://www.ces.lt/wp-content/uploads/2010/03/Childs-right-education_Petrusauskaite.pdf>.
- Tangiev, MKh 2005, *Political conflict in the modern Russia: the causes and features of the phenomenon*, PhD thesis abstract, Moscow, 24 p., (in Russian).
- Tishchenko, AV 2017, 'The principle of justice as a standard of law enforcement in the course of justice', *Vestnik YuUrGU. Ser.: Pravo*, No. 4, pp. 113-117, (in Russian).
- Usmanova, EF 2015, 'Tasks of the legal culture and its role in law-making and law enforcement activities', *Mir nauki i obrazovaniya*, No. 2, p. 12, (in Russian).
- Vasenina, IV & Kukhtevich, TN 2012, 'The social capacity of Russian students: based on the sociological research results', *Tsennosti i smysly*, No. 5 (21), pp. 133-138, (in Russian).
- Zholudeva, VV & Panarsky, NS 2015, 'Modern Russian youth: the sociological research results', *Obshchestvennyye nauki v sovremennom mire: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Ufa, No. 2, pp. 34-36, (in Russian).